

Творческий портрет

Галина ПОГОЖЕВА (Франция)

ВАЛЬДЕМАР ВЕБЕР, ДВОЙНОЙ АГЕНТ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ.

Из России я всегда привожу чемодан книг и постепенно их читаю. Но на этот раз коробка книг из Германии. Они все на русском языке, изданы в одном издательстве, одним человеком, русским поэтом в эмиграции, Вальдемаром Вебером. Мне очень хочется им поделиться с другими. Во-первых, потому что книги стоят у меня на полках, и они из тех, к которым время от времени тянется рука; во-вторых, потому что считаю, что его недостаточно знают. То есть знают как раз очень многие, но любят прежде всего как человека. Вот тут главная беда с Вебером-поэтом. Человеческая личность как бы закрывает собой поэта на узкой тропинке - не обойдешь - да и личность многогранная: Вебер - университетский профессор, для немцев слава, для русских германист, один из лучших литературных переводчиков, профессионал, универсал, просветитель. Иногда кажется, что он может с ходу прочитать лекцию на любую тему - литература, живопись, кино. Политика - пожалуйста.

Сейчас писательство скромно встало в ряд прочих профессий. А в позднесоветские годы коллективного литературного беснования, когда поэты мнили себя чуть ли не принцами крови, выявилась какая-то несуразная несправедливость - я всегда удивлялась, какой интерес и поклонение вызывали в литературе и искусстве эгоцентрики, с болезненным чувством собственного достоинства, только себя и замечающие и принимающие в расчет. Часто на одном этом вырастала ничем иным не объяснимая слава. Впрочем, феномен этот уходит в прошлое. Но вот годы назад Веберу прямо-таки вредили человеческие добродетели - хотя это тоже дар, причем в литературной среде гораздо более редкий, чем поэтический. Не дар общения, а дар душевной щедрости, участия, вернее, активного соучастия. И вот эта слава бежала впереди него.

Благодаря чему мне и посчастливилось с ним познакомиться в студенческие годы. Я сдавала физику на первом курсе. Последний экзамен перед летом, все друзья уже сдали и считали в коридоре монетки, чтоб отметить радостное событие. Профессор и говорит: - Ну что, четверку ставить или последний вопрос на пятерку? И я - гордыня, дурь, так мне и надо! - Конечно, вопрос на пятерку. - Ну, напишите уравнения Максвелла. Пробел. Провал. И тишина. - Каааак, вы не знаете уравнений Максвелла? Двойка! - Двойка, это значит полгода без стипендии, а стипендия в МАИ была большая. А уравнения Максвелла были на последней лекции, которую мы прогуляли, смотрели новый выпуск «Ну, погоди».

Ну и что теперь делать? Маму огорчить невозможно. Надо найти работу! Что умеешь делать? Да все умею, мыть, стирать, на машинке печатать, чертить, писать, переводить с французского. Какое-то время печатала и чертила, пока кто-то не подсказал: да позвони ты Веберу, есть такой, он переводчик и вообще всем помогает. Кстати, он твои стихи видел и сказал, что ты умрешь под забором. Я не помню, кто дал телефон. Короче, и плел бы я лапти. Звонок. Знаете, я не собираюсь умирать под забором. Да, ну запишите номер, и этот еще, скажите, что от меня. И начались публикации переводов, поездки по нашей огромной стране с оркестрами, балетными труппами, музейщиками, допускаемыми в запасники. Марсель Марсо, Баренбойм, Бежар, Ив Сен Лоран, кинофестиваль, пустыня Кара-Кум, Ленинград, Киев, Тбилиси, Ереван. И там новые друзья, поэты, художники, просто друзья. А с Вальдемаром Вебером мы встретились чуть позже, на семинаре Слуцкого.

Там собралось много интересного поэтического народа. Сам семинар создан был, чтобы выпустить поэтический пар. Журналов, а особенно гонораров, на всех не напасешься. И ходили туда непечатные поэты, некоторым уже было под сорок. Даже один старый, совершенно лысый дедушка. Борис Абрамович уважительно именовал его «Товарищ Цетлин». Меня тогда поразило, как взрослые люди вечно по-детски жаловались: не печатают! На этом фоне выделялась своей спокойной солидностью несколько поэтов-переводчиков: Гончаренко, Вебер, Ольга Татарина. Что характерно, переводчики были без комплексов и маний величия, общались с начинающими доброжелательно, на равных. С двумя последними я радостно подружилась.

Конечно, мне и тогда верлибры Вебера очень нравились, но больше восхищалась я поэтами-гуляками праздными. Вальдемар Вебер, в ореоле свободы свободного стиха, был «настоящий немец» - единственный, кто никогда не опаздывал - столько всего знавший и читавший, непривычно хорошо воспитанный, все это его очень отличало, выделяло. Из нас он был один «нормальный».

Странно было двадцать лет спустя с грустью наблюдать скромный итог жизненного пути моих юношеских идолов. Творческий и человеческий. И с некоторым потрясением обзреть стопки книг, газет, журналов, все, что сделано этим издателем, переводчиком, деятелем, а главное, его последние стихи - вообще, тот уровень, до которого он незаметно и не спеша поднялся. Поневоле вспоминается шутка про 98 процентов труда. Причем двойного труда. Вальдемар пишет и по-русски, и по-немецки. Печатается в России и в Германии. Переводит тома. Кстати, эмигрантским поэтом его можно считать с большой натяжкой. Вернулся

человек на историческую родину. Но, к счастью для друзей и читателей, не целиком. Ох, кажется, получилось нехотя обойти просто человека, непростого Вальдемара Вебера.

Писатель, поэт Вальдемар Вениаминович Вебер живет в Германии, на окраине Аутсбурга, на берегу двух рек – как раз рядом с его домом сливаются Лех и Вертах, и долго текут двойной зеленовато-коричневатой лентой. Дом такой же, как у всех вокруг, только там помещается еще и издательство «Waldemar Weber Verlag», выпускающее в основном книги, связанные с историей российских немцев, но также поэзию и прозу – чего стоит один Готфрид Бенн в русском переводе... Отсюда тянутся невидимые ниточки, связывающие его с литературой и миром. Без Вальдемара Вебера некоторые из выпущенных им книг, ставших бестселлерами, не увидели бы свет. Другие не были бы написаны. Судьбы их авторов потекли бы по другим руслам. Как и моя, и многих друзей и учеников, студентов. На фоне этих рек и опрятных домиков теперь этот «настоящий немец» видится совсем русским. Он и сам говорит:

«Я немец, всегда с раннего детства ощущал себя прежде всего немцем, это мое кровное чувство. Но, хотя я и немец, и германист, и пишу по-немецки, и люблю Германию, – культурно я, конечно же, больше русский, как же может быть иначе. Я почти пятьдесят лет жизни провел в России, в магнитном поле ее великой духовности» (из интервью Елене Зейферт «Вальдемар Вебер пишет на языках двух великих культур»).

Наверное, не просто культурно. Магнитное поле России не отпускает миллионы людей по всему миру. Вот стихотворение, написанное в Москве, в 1989 году, я всегда его вспоминаю, когда идет дождь:

Вот так бы он лил и лил,
и случился потоп,
и покрыл наш позор,
а мы бы
спаслись...

А вот недавнее:

Откуда у них эта уверенность,
что вот теперь наконец-то
они идут верной дорогой.
Ведь каждый раз забредали
чёрт знает куда...

И тут все не просто...

Перелетная птица, не нужная
ни одной из родин...
Сколько сил еще хватит
продержаться,
не приземляясь...

Вальдемар Вебер родился в России, в Сибири, куда были сосланы просто за то, что немцы, его родители. Потом рос в Подмосковье, на приснопамятном сто первом километре, ближе которого к Москве подозрительных людей не пуцали. Вряд ли он чувствовал себя несчастным, скорее, наоборот.

После войны
в нашем классе
у меня одного
был отец,
за что остальными,
случалось,
я был беспощадно бит.
До сих пор не забыл
вкуса крови во рту,
и кто бил и куда.
Ничего не забыл,
но знаю:
им куда тяжелей
помнить об этом

Когда мы играли в войну,
мне приходилось мириться с тем,
что я вечный Гитлер.
Семе Грановскому
отводилась роль тыловика-снабженца,
в паузах он приносил из дома
блинчики с чесноком,
что так неподражаемо пекла его мать,
иначе Сему не принимали.
А нам так хотелось
братъ Берлин и Потсдам!
Он был мой одноклассник,

но опытней и мудрей,
и уже знал,
что ради общего дела
нужно жертвовать личным.
И в конце ему позволялось
вместе со всеми кричать «ура».

Графа «национальность» не помешала Вальдемару, как и его братьям, поступить в институт в Москве, получить диплом иняза, найти интересную работу. Казалось бы, счастливая, завидная для многих литературная и человеческая судьба. Честная прямая двойная линия, как эти реки, дружно текущие рядом мимо дома. Заслуженная известность если не сразу как поэта (сборники «Слёзы – линзы», «Тени на обоях» и «Черепки» выходили с 1992 по 2000 гг.), то как переводчика, работа, ставшая миссией, частью жизни. Нет худа без добра. И сам он спокойно говорит об этом в том же интервью:

«...Начал переводить я уже в институте, где многие переводили, но тогда я еще не думал о художественном переводе как о профессии. По-настоящему стал переводить только в семидесятые годы, стихи мои тогда никто печатать не хотел, и я начал жить на стихотворный перевод ... На формирование меня как поэта перевод оказал решающее влияние. Западная поэзия в большей степени, чем русская, сформировала меня, я очень много читал по-немецки, особенно поэзию, пытался найти ей русское воплощение и таким образом сам не заметил, как немецкие стихи сформировали мою собственную интонацию».

Наконец, хорошая, дружная семья, участвующая в деле всей жизни. А жизнь - в литературных кругах это вообще-то редкость – была у него на первом месте:

«Литература для меня не значит больше жизни, любви, семьи, здоровья близких, памяти близких. Жизнь на первом месте, так как жизнь – это еще и ответственность за людей и окружение. Литература – дело личное, потребность самовыражения. У других самовыражение может быть воплощено в совсем другой сфере. В этом смысле литератор ничем не отличается от других «нормальных» людей».

Но только жизнь сложна и непредсказуема, даже и у других, «нормальных» людей, а прямые линии иногда пересекаются и перечеркивают эту самую жизнь, и потеряв самое дорогое, любой из нас понимает, что отдал бы все свои лучшие стихи, которые после приходят, только бы вернуться назад, в жизнь до этой точки, и там остановиться или повернуть ее куда-нибудь не туда. Но это не получается, и поэт остается со своими стихами там, где он теперь. Наверное, они помогают выжить или пережить горе другим.

* * *

Неволя горя.
Пожизненный срок
без надежды на помилование.

* * *

Жизнь – поезд.
В окно купе
залетают души умерших,
беседы заводят
о смысле пути.
О цели ни слова.
Она известна.

* * *

Все еще ищу тебя на здешних дорогах,
нахожу твой след иду по нему,
но его обрывают моря,
пропасти, скалы,
и тогда мой взор устремляется к небу
к его нехоженым тропам.

Пока я вспоминала молодость, прошла ночь. И образ подаренного мне этой жизнью друга-поэта как-то совместился с двумя другими, любимыми с детства – того, из сказки Андерсена, которого подстрелил из лука злой мальчишка, и доброго сказочника Жуковского, переводчика «аллеманских» стихов («Овсяный кисель» у нас в доме читался наравне с пушкинским «Мороз и солнце...»). Сейчас он, как все нормальные люди, будет вставать и, уж конечно, целый день работать.

Прицепилось колючками стихотворение, из последних:

* * *

Последняя роза,
продержавшаяся
до конца ноября...
О этот последний запах
в холодеющем воздухе
у ворот в непостижимое.

Так, кажется, будет называться следующая книга : «Продержаться до конца ноября».

Буду теперь повторять это, как заклинание. Обязательно продержаться, как эта роза. А то, как всегда, ничего не успеем.

* * *

Книги издательства «Вальдемар Вебер Верлаг» на русском и немецком языках, а также новое дополнительное издание книги Вальдемара Вебера «Черепки» в Германии можно заказать по телефонам: 0821-4190431 ; 0821-419043. Страница В. Вебера в «Журнальном Зале»:<http://magazines.russ.ru/authors/v/veber/>